

Святая бригада

ОПЫТ ВОЛОНТЕРСКОЙ РАБОТЫ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ В ДОНБАССЕ

В условиях активных военных действий помощь врачей и сестер милосердия в больницах и госпиталях Донбасса оказалась неоценимой. **Ирина ХУДЯКОВА**, сестра милосердия госпитального отделения Свято-Димитриевского сестричества при Первой градской больнице, побывала на новых территориях уже несколько раз. По роду деятельности она — социальный работник, ухаживает за пожилыми людьми и инвалидами. О духовной миссии сестер милосердия в военных госпиталях в Донбассе и о том, почему она стала добровольцем, Ирина рассказала «Журналу Московской Патриархии».

«Церковная десятина»

Решение стать добровольцем пришло ко мне, когда, заболев ковидом, я оказалась в госпитале. Болезнь протекала тяжело и длилась три месяца. Тогда я и поняла, как легко может оборваться твоя жизнь, и это от тебя никак не зависит. Я испугалась, что, если вдруг предстану перед Богом и Он спросит меня, сделала ли я все, что должна была на этой земле, я не смогу ответить. Скажу только, что работала, ходила в храм по воскресеньям и воспитывала детей. И хотя у меня еще были силы и время сделать что-то важное и значимое, я растратила их на какую-то чепуху. Но как еще я могла бы послужить Богу? Мне пришла мысль, что надо делать что-то, непосредственно связанное с моей работой, с тем, что я знаю и умею. Это и будет моя «церковная десятина».

С тех пор я каждый раз спрашиваю себя, буду ли жалеть, что не поехала или не пошла туда, где могла помочь и этим послужить Богу. И если отвечаю «да», то берусь за дело, и сил прибавляется. Но задачи «спасти мир» у меня нет и никогда не было. После выздоровления я окончила медицинские курсы младших медсестер в Учебном центре больницы святителя Алексия и стала помогать в ковидном отделении, где недавно лежала сама. А с началом специальной военной операции еще и в одном из военных госпиталей в Москве. Это дело не требует каких-то сверхусилий, никто никого не принуждает, можно прийти помогать после ра-

боты, допустим, раз в неделю, а можно и в свой выходной день. Это волонтер определяет сам.

Узнав, что больница святителя Алексия и Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению организуют поездки медиков-добровольцев в Донбасс, я решила, что поеду туда. Как и некоторым другим сестрам нашего сестричества, мне было очень страшно. Перед первой поездкой я взяла из приюта щенка, подумав, что, если вдруг не вернусь, собака будет в утешение маме. Сегодня Тотошка ее лучший друг, а близкие привыкли к моим «командировкам». Правда, сын сначала не понимал меня, но когда я объяснила, почему так делаю, он даже попросил меня прийти в школу и рассказать о поездках, о волонтерстве его одноклассникам. Ребята слушали с большим вниманием. А потом мне звонили родители и говорили, что дети пришли домой потрясенные. Они не думали, что, кроме врачей, медикаментов и медицинской аппаратуры, раненые нуждаются еще и в заботливом уходе, в тепле человеческой души.

Мариуполь

В июне 2022 года Мариуполь лежал в руинах, действовал комендантский час. Город продолжали разминировать, и, ступая на землю, которая раньше была газоном, человек рисковал остаться без ноги или руки из-за разбросанных повсюду мин-лепестков. В городе периодически отключали свет, водопровод не работал, и воду

привозили в огромных бочках, возле которых сразу выстраивались длинные очереди. В многоэтажной больнице не работали лифты (видимо, по соображениям безопасности), но свет был. Если воду отключали, мужчины ездили за ней в Новоазовск. Всего нас, добровольцев из Москвы, было шесть человек, мы жили в доме при храме, где свет был только от генератора. Смена в больнице длилась с утра до вечера, но, слава Богу, мы успевали выспаться. Из-за дефицита продуктов больных кормили два раза в день. Продовольствие можно было купить, даже работал рынок, но это было далеко от больницы, и не каждый мог позволить себе сходить туда и что-то приобрести. В одной палате лежали женщины, у которых ампутировали ноги, и я приносила им на ужин сухую лапшу из наших волонтерских запасов. Очень не хватало медицинского персонала и медикаментов. Молодые и пожилые, женщины и мужчины лежали в коридорах и палатах. Один пациент умирал, а на соседней койке кто-то отходил в это время от наркоза после сложной операции. Многие попали в больницу с обострениями хронических заболеваний, потому что люди три месяца прятались в подвалах полуразрушенных домов без лекарств, медицинской помощи и ухода.

С такой глубиной человеческого горя, как в Мариуполе, я столкнулась впервые. Люди молча смотрели на нас с больничных коек и ничего не просили, они были просто сломлены. Спрашиваешь: «Чем вам помочь?» А в ответ: «А что вы можете? Можете вернуть мне погибших детей? Или ногу, которую мне отрезали?» Я понимала, что мое присутствие здесь будет бесполезно, если сама не шагну в эту пропасть отчаяния, впустив их боль в свое сердце. Самым большим откровением становилось то, что с Божией помощью твои внимание, сострадание и молитва действительно могут им помочь. И самое лучшее, что я могла, — это сесть рядом, обнять и молиться. Для этого нужно было много сил, потому что молиться, когда ты разделяешь чью-то горе, намного труднее, чем просто молиться о близких, у которых все в порядке. И в какой-то момент человек оттаивал. Это ощущалось даже физически. Сначала крепко за тебя держался, потом его руки ослабевали, он отодвигался и говорил: «Ну ты молодец какая! Давай-ка чайку сваргань нам!» А другой говорил: «Спасибо,

что вы приехали, миленькие, ну зачем же вы так рисковали? Здесь же очень опасно».

Многих удивляло, что мы приехали сюда по зову сердца, в свой отпуск и работаем безвозмездно. Помню, ко мне подошла женщина и спросила:

— Вы же из Москвы? Я слышу, голос у вас, как у диктора по телевизору.

— Да, из Москвы.

— Скажите, а в Москве знают, что с нами происходит?

— Конечно знают, поэтому мы здесь.

Вадим

Вадима привезли в больницу в начале июля, и одна из медсестер сказала: «Это ваш пациент — он на всех кидается, дерется, никому не дает поменять памперс и переодеть себя». Вадиму было около 50 лет; заросший, с безумным взглядом, он грубо ругался, грозил нам небесными карами, проклятиями и куда-то звонил по невидимому телефону. Словом, пребывал в неадекватном состоянии.

Он инвалид, очень плохо передвигался и жил в своей квартире с папой и мамой. Когда в городе начались боевые действия, в первую же неделю боев его пожилые родители умерли, и он остался один. Самостоятельно передвигаться уже не мог. Раз в день соседка приносила Вадиму еду. Он лежал дома, пока его летом не забрали в больницу. И хотя сначала он не поддавался уговорам, в конце концов нам удалось переодеть и помыть его. У него были глубокие пролежни и сильный неприятный запах. Мы стали за ним ухаживать, а другие сестры-добровольцы потом продолжили.

Когда я приехала через полгода в эту больницу и навестила его, ожидала, что опять услышу нецензурную брань или что-то похожее, но он вдруг сказал: «Привет, Ирина. Я тебя помню, вы с Машей и Мариной принимали меня. Пожалуйста, простите меня за все...» И он рассказал, что выжил, оставшись один, только благодаря молитве. Молитвослов он нашел дома, в соседней комнате, когда, собравшись с силами, туда дополз. Мы подружились и до сих пор общаемся по телефону. Две недели назад он попросил передать ему Библию. Его перевезли уже в другую больницу, наши волонтеры помогают Вадиму восстановить документы. Он пишет, что мо-

лится за всех своих спасительниц. Для меня это пример того, как человек воскрес из небытия.

Сестринский плат

На XI Общецерковном съезде по социальному служению в ноябре 2023 года зашел разговор о том, в чем миссия сестры милосердия. Нужно ли — и как — начинать с больными или ранеными разговор о вере и когда лучше пригласить священника? Почему вообще возник этот вопрос? Дело в том, что быть сестрой милосердия — серьезная ответственность, потому что, глядя на нас, судят о всей Церкви. Нас объединяет не только общее дело, но и регулярные исповедь и Причастие. У сестры обязательно должен быть духовник. Это не случайное требование. Потому что, видя, в каком тяжелом состоянии находятся пациенты, тебе хочется отдать им все силы, игнорируя сон и отдых, что может привести к истощению нервной системы. В Донбассе сестры трудятся с утра до вечера каждый день. И духовник может вовремя предостеречь их от внутренних срывов. Ежедневное молитвенное правило у нас дополнено

тропарем о болящих, главой из Евангелия или одним евангельским зачалом, раз в месяц проходит совместная Литургия. Присоединиться к нам может любой человек, но вопрос вступления в сестричество всегда рассматривается индивидуально. Кроме того, мы регулярно собираемся и вместе с духовником сестричества (или его заместителем) обсуждаем вопросы больничного служения, делимся опытом и новостями.

Наша главная задача — это забота, которая заключается в том, чтобы покормить, сменить памперс, вынести судно, обработать пролежни, помыть обездвиженного человека, сделать в палате санитарную уборку. Кажется, ерунда — принести лежачему пациенту стакан воды или трубочку, чтобы он мог попить воды из бутылки, потому что по-другому утолить жажду никак не получится. Но ему сразу становится легче. Это очень здорово поднимает настроение и возвращает к жизни.

Внешне от больничного персонала нас отличает только плат с красным крестом на голове, который носили наши предшественницы

*Город Мариуполь.
Февраль 2023 г.*

Всего в период с апреля 2022 по декабрь 2023 г. в госпитали зоны СВО выезжали 644 сестры и брата милосердия. Помощь оказывалась в Новоазовске, Мариуполе, Горловке, Луганске, Макеевке, Донецке. Добровольцы также трудились в госпитале Ростова-на-Дону. К декабрю 2023 г. Русская Православная Церковь передала более 3300 тонн гуманитарной помощи беженцам и пострадавшим в Донбассе, из них 2200 тонн гуманитарной помощи отправлены в епархии в зоне конфликта. 18 тысяч человек получили медицинскую помощь церковной больницы святителя Алексия, более 195 тысяч обращений зафиксировано в центрах помощи Патриаршей гуманитарной миссии в Мариуполе, Бердянске, Донецке, Луганске, Северодонецке, в церковных штабах помощи беженцам в Москве, Белгороде, Воронеже, Ростове-на-Дону, Казани, Екатеринбурге. 5000 звонков поступает на федеральную церковную горячую линию «Милосердие» 8-800-70-70-222 каждый месяц. Стать добровольцем, пожертвовать средства можно на сайте помочьвбеде.рф.

во времена Российской империи. И этот символ безмолвно напоминает о нашей причастности к православной вере и Церкви. Видимо, поэтому пациенты иногда нас просят принести молитвословы, Евангелие или помолиться о них и их товарищах. Мы можем ответить на общие вопросы: какие бывают православные праздники и какой ближайший, где можно подробнее

почитать о жизни Церкви, рекомендовать какую-то духовную литературу, пригласить священника, поговорить о жизни или молча выслушать пациента. Сарафанное радио быстро разносило весть, что в московской больнице святителя Алексия есть Тихвинский храм, где ежедневно совершается молебен о всех, за кого просят помолиться, независимо от вероисповедания. И ребята пишут в записках не только свои имена, но и своих товарищей, тем более что крещеных еще и на Литургии поминают.

Сначала наш плат вызывал у одних улыбки, у других недоумение и удивление, но люди скоро привыкли. Один из бойцов назвал нас «святая бригада», хотя мы только отвечаем на вопросы о вере, если кто-то заинтересовался.

В Донецке был случай, когда меня попросили посидеть с бойцом, который тяжело отходил от анестезии. Я присела рядом с ним и взяла за руку. Он сжал мою руку, ощупал, немного успокоился, открыл глаза и, увидев над собой мое лицо с платом и крестом, испуганно спросил:

- Я что, попал в 1914 год?
- Да, — пошутила я.
- Но как?!

Другие раненые на соседних койках смеются: «Машина времени, брат». Он оказался историком по образованию и, увидев мой сестринский плат, решил, что действительно переместился во времени. Но потом очень радовался общению с нами и просил то чаю, то бутерброд ему принести, словом, нуждался во внимании. Ему было очень приятно это общение. За время, проведенное в госпитале, я поняла простую вещь: когда человек оказался на больничной койке, для него забота и уход так же важны, как медицинская помощь. Когда одно совмещается с другим, выздоровление идет намного быстрее. Поэтому наша задача — помочь больному не формально, а вложив свою душу. Очень важно быть искренним и стремиться увидеть и полюбить в человеке образ Божий.

Однажды кто-то из раненых спросил: «Вы, сестры милосердия, с таким вниманием и любовью заботитесь о нас, словно матери и жены. Но как вы можете нас любить, если совсем не знаете?» И я как могла объяснила: «Я знаю Бога и люблю Его. И через эту заботу о другом человеке могу выразить свою любовь к Нему.

Если любви много, то хочется ей поделиться, ты согласен?» Он кивнул. «Ну, так и здесь. Есть любовь, и мне хочется ей поделиться. Мы же тут нужны?» Он говорит: «Да, конечно, вы очень нужны. Мой товарищ лежит в другом госпитале, там хорошо лечат, но один минус — нет сестер милосердия».

Большинство раненых сначала относились к нам как к монахиням, ждали от нас строгости, чрезмерной серьезности. Но когда поняли, что мы открыты, а я еще и пошутить люблю, то успокоились. Иной раз посмеемся с ними, пошутим, настроение улучшилось, и как-то легче стало всем в палате дышать.

Пациенты часто спрашивают: «Кто у вас воюет?» Думают, что я пришла из-за того, что у меня брат, сын или муж на фронте. Среди наших сестер есть и такие. Я объясняю, что у всех свои причины. Важно другое — мы приезжаем сюда, потому что хотим облегчить их страдания и исполнить заповедь Христа о любви к ближнему. Эти слова приносят большую радость больным и располагают к доверию. И тогда они рассказывают тебе то, чем не могут поделиться с другими и не могут держать в себе. Это тяжелый момент, потому что такой рассказ пропускаешь через себя.

Хочу поделиться оптимистичной историей. Один из раненых спросил меня, когда я мыла ему голову, можно ли найти его форму, в которой он попал в госпиталь. Я сказала, что ее, скорее всего, утилизировали, так как довольно часто форму просто срезают с раненых. «У меня там иконка в кармане осталась», — пояснил он. И рассказал, что однажды нашел в деревне, которую в ходе боя занял его отряд, маленькую иконку Богородицы, выполненную на металле. «Я не очень во все это верю, но почему-то спрятал ее в карман куртки. Когда меня ранило, товарищи не смогли прийти мне на помощь, потому что пространство между нами простреливалось. Я пролежал несколько суток, прежде чем сумел выбраться и доползти до своих. И пока полз, молился. Получается, что Богородица вывела меня к своим живым?» — «Получается, что так», — ответила я.

В другой раз меня поздравил молодой парень и спросил, можно ли ему креститься: «Я давно готов, но перед началом СВО не успел. И то, что остался жив, стало для меня неким знаком.

Я из семьи атеистов, но верю, что Христос — это Бог». Я пригласила священника, и мы его крестили. Видели бы вы его сияющие радостью глаза. Как-то в госпиталь привезли тяжелораненого, и его нужно было помыть. Времени у меня было немного, потому что его ждали уже в другой больнице. И он попросил принести ему иконы Богородицы и Христа. Он даже не мог шевелить руками, и я положила иконочки в его паспорт, как он просил. А потом вспомнила, что у меня есть с собой пояс «Живый в помощи», и предложила намотать ему на руку. Он очень обрадовался. «А крестик у вас есть?» — спросила я. «Был, но тоже остался там (на поле боя. — *Примеч. авт.*)». — «А хотите мой крестик?» — спросила я. «Очень хочу». И поскольку он был весь в катетерах и трубках, я повязала и крестик тоже ему на руку.

Вообще, немало случаев, когда ребята воцерковляются именно в госпитале, начинают причащаться и даже стараются держать пост.

Еще я бы выделила в особую категорию тяжелораненых бойцов. Они часто пребывают в сильном упадке духа, и даже товарищи по палате просят сестер обратить на них особое внимание. И здесь важно уметь разговорить человека, отвлечь от мрачных мыслей, вселить надежду. В это время я стараюсь молиться, чтобы Господь мне помог.

Так, в Горловке один из молодых ребят с тяжелым ранением впал в мрачное уныние.

*Оказание помощи
в больнице
Мариуполя*

Я пришла к нему, мы поговорили, посмеялись, что-то повспоминали. Помню, сказала ему: «Ты по возрасту, как моя дочка». Потом предложила ему постричься. Я стригла человека первый раз в жизни, и вся палата хохотала и подсказывала мне, как это нужно делать. Естественно, я специально срежиссировала этот спектакль. И боец воспрял духом. Рядом с ним лежал другой раненый, у которого ампутировали обе ноги. Он никогда не просил внимания к себе. А тут подозвал меня и говорит: «Я очень хотел вас спросить, Бог же ближе к вам, чем ко мне? — Я удивленно посмотрела на него, а он продолжал: — Вот скажите, если я так нагрешил, что мне уже два пожизненных положены, а я сейчас без ног и с такими ранениями тут лежу и страдаю, — я же через это искуплю свои грехи? И Господь меня простит? Я правильно рассуждаю?»

Я почувствовала, что это тот случай, когда нужен священник, и ответила ему: «У вас вопрос очень глубокий. Я бы на вашем месте поговорила с батюшкой. Хотите, приглашу его к вам?» Он сказал, что давно хотел, но стеснялся спросить. Когда пришел священник, этот человек исповедовался и причастился.

Пасха в Донецке

После поездок в Мариуполь мне очень хотелось побывать в Донецке. И скоро такая возможность представилась. Мне предложили поехать туда с группой добровольцев из Рыбинской епархии на Страстную седмицу. Нас было восемь человек. Мы жили в госпитале и выполняли любую работу, которую нам поручали: постоянно носили питьевую воду из подвала в баклажках по всем отделениям, убирали мусор, мыли полы. По ночам посменно встречали поступивших раненых, кормили их, поили чаем, отмывали, срезали перед операцией одежду и т. д.

Несмотря на занятость, я стремилась каждый день хотя бы урывками бывать на богослужениях (на территории больницы был свой храм). Пост соблюдала по мере возможности. Я стараюсь никогда не пропускать ночное пасхальное богослужение, в этот раз тоже пришла в больничный храм. Вместе со мной были еще двое волонтеров. Перед службой священник с амвона объявил, что причащаться могут только те, кто причащался Великим постом и посещал службы. Я подошла

к нему и рассказала, что среди нас есть волонтер Александр, который никогда в жизни не причащался, но очень этого хочет, и священник сказал, чтобы он подошел на исповедь. Мы потом исповедовались и причастились.

Эта пасхальная служба в больничном донецком храме была очень радостной, небольшой храм весь был заполнен. Кроме медицинского персонала, пришли и жители округа, ее постоянные прихожане. Меня всегда удивляло, что везде в Донбассе, несмотря на трудности и лишения, люди одевались в храм очень празднично, опрятно и красиво. Бабушки все были в идеально белых платочках. Они пришли как избранные на пир, приглашенные Христом. Был и крестный ход, когда мы воодушевленно возглашали «Христос воскрес!», и красивое пение местного хора.

Стоя на службе, глядя на радостные лица вокруг, я не могла поверить, что в пасхальную ночь будет ракетный обстрел. Для меня все это было неожиданно и жутко. У нас в храме служба уже закончилась, я пришла в нашу палату и поздравила сестер с Пасхой. И вдруг раздался свист летящих ракет, который я раньше никогда не слышала. Одна из сестер даже спросила: «Это что, петарды?» Взвыли сирены. Раздались взрывы. Мне трудно описать свои переживания в этот момент: звонят колокола, сердце переполняет пасхальная радость, кажется, ликует весь мир, славящий Христа. И вдруг летящая со свистом смерть, вой сирен и ясное осознание, что всего один миг — и тебя больше нет.

Мы бросились на первый этаж, предполагая, что сейчас привезут раненых. Но в ту ночь никто к нам так и не поступил. Знакомый врач подарил кулич, который испек сам, и мы съели его утром с большой радостью. Тогда, 16 апреля 2023 года, по Донецку выпустили 20 ракет, были пострадавшие и жертвы. До нас ничего не долетело. На следующий день город как будто вымер. Все знали, что после массированной ракетной атаки через какое-то время обстрел повторится. Тем не менее местные жители утром пришли в больничный храм освящать яйца. У них по традиции яйца освящают не в Великую субботу, а утром на Пасху. Во вторник Светлой седмицы я вернулась в Москву. И, вспоминая потом об этой поездке, поняла, что Господь все равно всегда рядом, несмотря на все ужасы, ко-

торые посылает нам судьба. А Александр, о котором я рассказала выше, через месяц ушел на СВО, он и до сих пор там. Если можно, помолитесь о нем.

Маленькое чудо

Перед поездкой я обычно исповедуюсь и причащаюсь. И беру благословение у своего духовника и духовника сестричества, без этого никуда не еду. Священники молятся о нас на Литургии. Это очень помогает, придает спокойствие и силы. Кроме того, на месте мы сами стараемся ежедневно вместе молиться утром и вечером, после работы обсуждаем прошедший день, поддерживаем друг друга. И милостью Божией, иногда удается даже причащаться.

Когда я приехала в Луганск, в госпитале, помимо обычных моих обязанностей, понадобилась помощь и в перевязках раненых. Моим начальником был замечательный врач. Однажды я попросила его отпустить меня на воскресную Литургию, чтобы причаститься. Он сказал, что с радостью отпустил бы, но, так как заменить меня в этот день будет некем, он сможет это сделать, только когда закончатся все перевязки. Я очень расстроилась, но приняла все как есть.

И вдруг он мне говорит: «Смотрите, кто-то из раненых забыл у нас свой носок. Узнайте, в какой он палате, и отнесите ему». Я быстро нашла этого человека, и представьте себе — в его палате в это время находился священник. Это был отец Алексей, с которым мы познакомились несколько дней назад, он навещал пациентов в госпитале. Отец Алексей незрячий. Мы поздоровались, он ошупал мою голову, вспомнил меня и спросил, пойду ли я завтра в храм. Я объяснила, почему у меня не получится. Узнав, что я хотела причаститься, он сказал мне готовиться, потому что завтра в этом госпитале будет причащение для раненых.

Утром врач объявил перерыв и разрешил мне отлучиться на короткое время. Я исповедалась, причастилась и, счастливая, вернулась в перевязочный кабинет. Мы продолжили перевязывать бойцов, и один из них прошептал мне: «Поздравляю с принятием Святых Таинств. Я тоже сегодня причастился. Какое счастье, что мы православные верующие!»

Более **3300** тонн гуманитарной помощи беженцам и пострадавшим в Донбассе Русская Православная Церковь передала к декабрю 2023 г.

18 000 человек получили медицинскую помощь больницы святителя Алексия